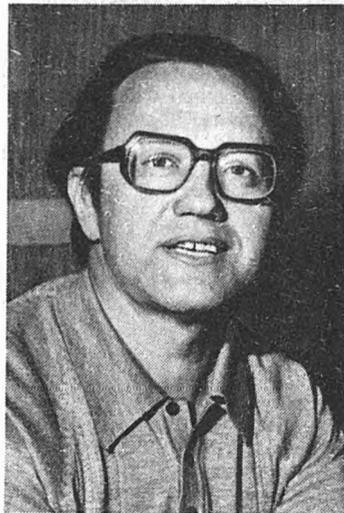

«ЭТО НУЖНО ЖИВЫМ»

БЕЛОРУССКИЙ писатель АЛЕСЬ (АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ) АДАМОВИЧ хорошо известен как талантливый исследователь белорусской литературы. Он доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент Академии наук БССР.

Но самое большое признание принесли писателю его книги о войне. Обращение к ней закономерно. Адамовичу шел пятнадцатый год, когда он стал партизаном и наравне со взрослыми вступил в борьбу с фашизмом. Этот период жизни положен в основу диалогии «Партизаны: «Война под крышами» и «Сыновья уходят в бой». Потом были книги, по названиям которых уже можно судить об их теме: «Хатынская повесть» (удостоена премии Министрства обороны СССР и Государственной премии БССР), «Я из огненной деревни» (материал для которой Адамович собирал вместе с Я. Брылем и В. Колесником), «Блокадная книга» (написана в соавторстве с Д. Граниным о блокадных днях Ленинграда) и, наконец, последняя повесть «Каратели».

Наш корреспондент Т. ПОСЫСАЕВА встретила с Алесем Адамовичем. Разговор шел о том, что никогда не перестает волновать писателя.

над предателями Родины подсудимые обедают...

Потом, когда закончился показ документальных фильмов, предваривших разговор писателя и фронтовиков, люди не раз и не два недобро помянут тот «обед». Да еще после потрясенный от всех страданий человеческих, о которых только что рассказали фильмы «Немой крик», «Суд памяти», «Последнее слово». Они сняты белорусским кинодокументалистом Виктором Дашуком по книге А. Адамовича, Я. Брыля, В. Колесника «Я из огненной деревни». Про эти фильмы Дашука Константин Симонов сказал, что они — «документ, который следует хранить, как гневное и неопровержимое обвинение фашизма».

— Существует мнение, что литература и искусство не должны мучить. Что вы можете возразить на это, Александр Михайлович, ведь ваши книги не приводят читателя в веселое расположение духа?

— Я за правду. Ей одной должен подчиняться литератор, ради нее одной рисковать и писать. После войны какое-то время даже думать об этой поре не хотелось, и мысли не было, что когда-нибудь буду писать о ней. Но «материал» невольно, подспудно понуждал, вел, звал. Чем дальше уходила война, тем все глубже осознавалась она как страшное человеческое бедствие, тем все больше чувствовал себя обязанным сказать о ней правду.

К сожалению, «красивая война» присутствует в наших книгах. Такой она видится некоторым по мотивам вполне понятным: вот, мол, какое время было необыкновенное, какой я был молодой, сильный, отважный... Но это не та тема, когда

можно дать волю «ностальгии» по юности. Мы не имеем права идеализировать войну, потому что это значит морочить голову молодежи, вводить ее в заблуждение, что сейчас особенно непростительно. Война в действительности — зло, жестокость, гадость. Шолохов дал ей исчерпывающую формулировку: «Как безобразно просто умирали люди...».

Да, правду войны не очень-то хочется знать, слишком тяжела она, непосильна порой для понимания. Я не раз замечал в людях желание «припудрить» ее горечь, смягчить ее суровые краски. Когда мы с Даниилом Граниным работали над «Блокадной книгой», мы использовали в ней дневники ленинградцев, записи людей, которые понимали, что им самим их уже не читать. Среди этих дневников нас особенно поразила школьная тетрадь Юры Рябинкина. Мальчик излил на бумагу все свои страдания, он каждым словом боролся с голодом, а главное — с моральной дистрофией. Он умер от физического истощения, но здоровым нравственно, духовно. И вот этот дневник, правдивый человеческий документ попал в руки молодого редактора. И тот стал что-то вычеркивать, дописывать. Он не понимал, что это он не стиль правит, а саму мальчишескую жизнь редактирует. Разумеется, пришлось решительно воспротивиться такой бойкости.

Мы будем не честны, если будем говорить «Никто не забыт и ничто не забыто» и в то же время желать что-то не знать, приукрасить, на свой лад изменить в чужих, уже прошедших жизнях. Когда я писал повесть «Каратели», у меня не было ощущения, что этой книге обра-

дуются. Но то, о чем я рассказывал в диалогии «Партизаны», в «Хатынской повести», в «Блокадной книге» — о войне глазами советских людей, — только часть правды. Она грозила остаться неполной, если не взглянуть на те же события глазами стоящих по другую сторону борьбы. Мне важно было переменить угол зрения, чтобы раскрыть психологию палачества.

— Если б не было в «Карателях» выписок из судебных протоколов, невозможно было бы поверить, что люди могут быть ТАКИМИ. Читать книгу мучительно. В ней нет ни одного положительного персонажа, за которого другие могли бы спрятаться. Но есть в книге что-то просветляющее. Повесть воспринимается как возмездие всем, кто отрекся от родины, от всего святого и человеческого в себе, переступив ту черту, за которой уже и самого человека нет. Расплата за злодеяния неминуема, она неумолима, когда мы не позволяем себе «забыть» о трагедии, обо всех, кого она настигла.

— Но... «Это нужно не мертвым — это нужно живым». Вот еще одна истина, которую я стремился донести до читателей. Ветеранов минувшей войны мучают сегодня не только старые раны, но и новые боли, новые тревоги за судьбы человечества. Мир сегодня — главная цель всех людей доброй воли.

Когда-то Эренбург записал: «Мало уничтожить фашизм на поле боя, нужно уничтожить его в сознании, в полусознании, в том душевном подполье, которое страшнее подполья диверсантов». Войну против этого «подполья» и ведет наша советская литература. Нравственное, художественное воплощение всей правды горького, грозного

духа войны нужно сегодня живым, новым поколениям, чтоб не повторилось старое, тем более что планета уже десятки лет живет с атомной бомбой. Сегодня, рассказывая о прошлом, писатель обязан иметь в виду будущее. Его долг — вызвать в людях отвращение к войне, показав весь ее ужас и все ее зло.

Ныне в Белоруссии создается Книга народной славы. Это масштабное, благородное дело, к которому подключаются писатели, журналисты, учителя, студенты и даже старшеклассники. Они записывают воспоминания бывших фронтовиков, партизан, подпольщиков, тех, кто пережил оккупацию. Нигде и никто не предпринимал ничего подобного. Мы отдаем себе отчет в трудностях на этой непроторенной дороге. Но высота задуманного дела очевидна. Книга славы может стать настоящей школой нравственного воспитания.

— Если бы для Книги славы к вам пришли записать ваши воспоминания, о чем бы из своей партизанской жизни вы рассказали?

— О чувстве к матери. Мне сейчас кажется, что всю войну я жил одной заботой: заботой о маме. Я заново открыл ее тогда, совсем иначе стал к ней относиться.

Когда в наш поселок на Бобруйщине пришли фашисты, мама, а она медик, стала помогать партизанам переправлять в лес медикаменты, какие-то сведения. Так мы жили два года. Потом на маму в полицию поступил донос, и мы все — она, старший брат и я ушли в лес. Вот там стала меня постоянно преследовать одна мысль, одно чувство: что будет с мамой, если нас с братом убьют в один день. У

меня не было страха, что меня убьют, я боялся, что в один день с братом. Видно, то же испытывал и он. Мы никогда не участвовали с ним в одной и той же операции: если он шел с заданием в деревню, то я — на железную дорогу, и наоборот. Всю опасность я воспринимал через маму. Я завидовал товарищам, у кого матери были далеко...

Диалогии «Война под крышами» и «Сыновья уходят в бой», построенную на материале моей партизанской юности, я посвятил маме. Не случаен там эпиграф:

У войны не женское лицо. Но ничего на этой войне не запомнилось больше, резче, страшнее и прекраснее, чем лица наших матерей.

Вот об этом бы я и рассказывал для Книги славы. Книги — характерной для современной военной литературы, особенность которой в том, что она не полагается на память одного писателя, но на память всех людей, кто пережил войну.

Когда генерал-майор Василий Федорович Гладков издал сборник фронтовых воспоминаний «На левом фланге», Леонид Ильич Брежнев написал ему письмо. В нем есть такие строчки: «Один человек, может быть, ярче помнит что-то одно — конкретный бой, операцию, самоотверженный поступок на фронте или в тылу. Но в коллективной памяти ветеранов запечатлен, можно сказать, сам ход истории во всей его полноте. Вот почему я считаю, что эта память — огромное нравственное, политическое, патристическое достояние нашей страны, нашей партии».

г. Минск.

И БЕСКОНЕЧНОЙ серой лентой дорога... Гладкая поверхность шоссе, разноцветные мчавшиеся автомобили, добротные дома... Все привычно, все знакомо, все так и должно быть в сегодняшней жизни. Но беспокойно на душе: не покидает какое-то чувство невозможности, невероятности всего этого здесь, на белорусской дороге...

«Прошлое это слишком близко от нас, чтобы не быть мучительным. У такого события, как вторая мировая война, есть, вероятно, радиус действия, но мы еще не вышли за его пределы. Эпицентр этого потрясшего человечество «взрыва» все даль-

ше и дальше от нас, а волны от него — эмоциональные, психологические и другие — все расходятся и расходятся, захватывая новые поколения. Это записал критик Игорь Дедков в послесловии к книге Алеся Адамовича «Каратели».

Мы возвращаемся с Александром Михайловичем в Минск из пригорода Боровляны, где в госпитале для ветеранов войны писатель встречался с фронтовиками.

— Седеет это поколение, — с грустью говорил Александр Михайлович, ни к кому, собственно, не обращаясь.

Да, время не омолаживает. Но

«не стареют душой ветераны». Нет в их сердцах милосердия к палачам со свастикой на рукавах, к тем, кого на Западе стремятся защитить от правосудия, разглагольствуя о «сроке давности», об обстоятельствах, которые, мол, сильнее человека... Запомнилось, как в темном зале за моей спиной вдруг раздался резкий, громкий стук сиденья, и кто-то стал спешно и яростно пробираться к выходу. «Сволочи, они еще жрут, их еще кормят!». Мужской голос был хрипл от гнева, от того, что сердце защемило от нестерпимого. А на экране в этот момент шли кадры о том, как в перерыве судебного процесса